

Родословные перекрестки

Сегодня мы, где разумно, а где и через колено, реформируем веками сложившиеся традиции отечественной школы и высшего образования. В центре всякой образовательной школы всегда стоял и сегодня стоит педагог — начало всех начал.

Что такое были педагоги недавних по историческим меркам царско-советских времен? Читая эти «эссеи» Натальи Запорожцевой, не будем забывать, что речь идет о веточках только одного культурно-образовательного древа — русского священнослужителя, писателя и общественного деятеля Николая Николаевича Блинова. А сколько таких «дерев»росло сквозь тернии царизма и сталинизма!..

Густо плодоносящие ветви рода вятского священника Н.Н. Блинова (1839–1917) породили династию педагогов, врачей, журналистов, музыкантов, художников.

В прошедший Год Учителя педагоги города Сарапула вспоминали Блиновых-учителей поименно. Эта педагогическая династия длится уже 150 лет и насчитывает более 20 представителей: от скромных сельских учительниц Софьи Анисимовой и Аделаиды Блиновой до преподавателей Московского технического и Екатеринбургского медицинских институтов, кандидатов наук Т.Ю. Парахони и Л.И. Комаровой. Школьный музей «Сарапульская старина» в день рождения просветителя в конце 2010 г. представил на городскую педагогическую конференцию передвижную выставку «Педагоги Блиновы: 150 лет служения».

Передо мной фотокопии писем внучек Блинова — учительницы Н.В. Киприяновой из Перми и агронома Н.И. Комаровой из Екатеринбурга, присланных из Кировского архива. В их письмах Е.Д. Петряеву и к нам, в Сарапульский музей, масса подробностей жизни этой прекрасной семьи, много сведений о ярких, незаслуженно забытых родственниках. Мы расскажем лишь о некоторых из них, т.к. невозможно объять всех разлетевшихся по всему миру потомков 10 детей священника и 39 внуков.

САШЕНЬКА

Куда бы ни отправили по Вятской губернии опального писателя Н.Н. Блинова, он всегда счастлив был увидеться в Вятке с любимой сестрой Сашенькой. Так

называли Блиновы Александру Гавриловну Блинову, двоюродную сестру Николая Николаевича. Блинов пишет в мемуарах: «Во время тяжелой болезни Елены Васильевны (жена Н.Н. Блинова) в Бемыж приехала Сашенька, и настроение в семье изменилось на радостное: больная хоть медленно, но поправлялась... В Вятке я приютился у Сашеньки, дорогой моей сестрицы».

Отец ее был земский служащий. Работала она, по словам Киприяновой, учительницей вечерней или воскресной школы. Она была одинокой, но в доме с ней постоянно жили ученицы. Наталья Киприянова, жившая с мамой Софьей Николаевной в Вятке в 1915–1919 годах, помнила эту милую, добрую старушку, ее дом с хорошей библиотекой, разговоры матери с Сашенькой о новой статье Николая Николаевича, о чуть не состоявшемся назначении его редактором вятской газеты.

ИВАН КСЕНОФОНТОВИЧ КОМАРОВ

Н.Н. Блинову по душе пришелся зять, муж дочери Веры, Иван Ксенофонтович Комаров (1872–1957) — ветврач, интеллигентнейший человек, шахматист и любитель музыки. Иван Комаров вышел из беднейшей крестьянской семьи Орловского уезда Вятской губернии и закончил жизнь кандидатом наук. Он учился в реальном училище Вятки на средства земства, т.к. родители умерли. В 1894 году он уехал из Вятки на барже, имея 60 рублей, собранных товарищами. Поступил учиться в Харьковский ветеринарный институт. Стипендию от Вятского земства получил только через

Наталья Семеновна Запорожцева — медик, краевед, педагог-психолог, журналистка. Окончила Казанский медицинский институт. Попав по распределению в Сарапул, сотрудничала в одноименной независимой газете. Активно занимается поисковой работой, ведет большую историко-краеведческую переписку. Является организатором и руководителем школьного музея «Сарапульская старина». Добивается того, чтобы сделать музеем-усадебой дом писателя-просветителя Н.Н. Блинова.

год — 10 рублей в месяц. Прожить на них было нельзя, он подрабатывал уроками, корректурой газет, летом — на эпизоотиях.

После окончания института он отработал стипендию в Вятской губернии, а затем уехал в Москву изучать мясное дело и работал ветврачом на городских бойнях до октября 1903 г. В Москве случайно встретил землячку Веру Николаевну Блинову, в 1903 году они поженились. В 1904-м получил приглашение от Вятского губернского земства занять должность уездного ветврача в Сарапуле, где и начал работать, но началась Японская война. Его мобилизовали ветврачом обозного транспорта в Маньчжурии.

Вернувшись в Сарапул, он организовал ветеринарную лечебницу, в которой и работал. Учился бактериологии в Петрограде и Московском институте Блюменталля. Вернувшись, организовал в Сарапуле в 1911 г. ветеринарно-бактериологическую лабораторию — первую в Вятской губернии. Делегат Всероссийских съездов ветврачей в Москве и Харькове. В 1914 году был мобилизован на Германскую войну в Иркутск, где служил ветврачом в этапном лазарете до окончания войны и был демобилизован в марте 1918 года. Потом работал в Свердловске, организовал там ветлабораторию. 72-летний ветврач в 1944 году защитил кандидатскую диссертацию, преподавал в мединституте. Всем

четверым детям супруги дали высшее образование, двое получили степень кандидатов наук в биологии и медицине.

МИХАИЛ МИХАЙЛОВИЧ ЧЕМОДАНОВ

Одна из внучек Блинова, дочь Любови Николаевны Бехтеревой, пишет: «Двоюродный брат мамы был известный «передовой карикатурист», под псевдонимом Лилин печатался в «Колоколе». В доме у мамы был журнал с цветной сатирой — сидит в центре русская красавица, рядом кованные сундуки. Она подперла голову руками и охает, а кругом тянутся фигуры и руки предприимчивых иностранцев к ее богатствам. Среди родни гулял рассказ, что однажды в сарапульской газете был помещен рисунок мухи в виде иллюстрации к какой-то санитарной статье. Муха была нарисована очень крупно и весьма натурально. О художнике говорили, что он был нам родственником».

Тетка Чемоданова, медицинский работник Александра Васильевна, жила в вятском селе Кырчаны. Михаил Михайлович родился 27 октября (8 ноября) 1856 г. в селе Боровица Орловского уезда Вятской губернии. Он учился в Вятской гимназии и жил семье Блиновых. В 1876 году поступил на медицинский факультет Московского университета, где познакомился с А.П. Чеховым.

Открытка М. Чемоданова 1906 г

Чемоданов становится известным в университетских кругах карикатуристом. Студент-медик работал в печатных изданиях «Будильник», «Осколки», «Свет и тени», «Фаланга», «Зритель», «Гусли». Из-за гонений царской цензуры он вынужден был прервать художественную деятельность, возвратившись к ней лишь в 1905 г. Он часто менял псевдонимы. Наиболее известны «Икс», «Червь», «М. Лилин». Карикатуры «Червя» были оружием в борьбе с несправедливостью и богатейшим иллюстративным материалом по истории революции 1905–1907 гг. Рисунок на открытке «Две перспективы» предупреждал Николая II: «Если казни продолжатся, то самодержец доплывется до виселицы». В 1906 году полиция нашла автора карикатур. Открытка «Две перспективы» сыграла роковую роль в жизни М. М. Чемоданова. Царская охранка карикатуру расценила как организацию покушения на Николая II. Впервые в истории почтового дела открытки стали обвинительным материалом в подготовке политического процесса. В Бутырской тюрьме М. М. Чемоданов заболел чахоткой и 16 января 1908 г. умер.

СВЕТЛАНА ЛЕОНИДОВНА БЛИНОВА

В воспоминаниях и мемуарах правнучки Светланы Львовны Блиновой-Лазаревской — яркие сполохи жизни московской интеллигенции второй половины XX века. «Рассказ аборигена XX века» — название точное по своему сокровенному смыслу: она из последнего на постсоветском пространстве поколения двадцатого века, корнями сросшегося и спаянного с ленинско-сталинско-брежневской своей родиной, закрытой от всего мира как резервация, железным занавесом. Следующие за ними были свободнее, они уже без предубеждений ездили на Запад, имели двойные гражданства. Но и лукавство некоторая есть в названии. Зная

Светлану и историю рода, никак нельзя назвать Блиновых забытыми, зашоренными совками.

Всю страну объехала биолог Светлана Блинова, была и за границей, и легко устанавливала там научные контакты, и стала, как говорится, человеком мира. Как и вся научная интеллигенция страны. Как и Н.Н. Блинов, ее знаменитый прадед, о котором писал уже наш журнал. И если бы не отвлекающие от науки перипетии блиновских семей, которые начались еще до революции с ее мятежным прадедом, стать бы ей профессором, мировым светилом в области изучения вредителей нематод растений. Недаром пражские и французские ее коллеги охотно ехали к Блиновой изучать результаты ее многочисленных научных полевых изысканий.

А начиналось увлечение зоопсихологией с козы Зойки в Сорочинске, куда сослали маму, Аделаиду Леонидовну Блинову. Там Светлана доила козу, училась вязать снопы, работать на косилке, на молочной ферме, «лопатить» зерно, сажать картошку. А потом садилась за учебники и ездила на попутке за 20 километров в Сорочинск сдавать экзамены за годовой курс.

Потом Московский университет, «эпоха обмичуривания студентов и облысения дарвинизма». Были уволены декан С.Д. Юдинцев, академик И.И. Шмальгаузен и целый ряд профессоров и преподавателей. Лысенко дивил студентов такими перлами, как порождение пеночкой кукушки, пшеницей — ржи и овсом — сорного злака овсюга. Зато была практика в Звенигородском районе, гербарий из 100 растений, определитель мхов и запись на пластинку пения птиц, воспитание бобря в «детском саду» воронежского заповедника и сознание правильно выбранного пути: где еще можно каждый год 3–4 месяца проводить на природе!

Были у нее встречи с выдающимися учеными В.Г. Гептнером, Н.Н. Ладыгиной-Котс, работа

Светлана с мамой Адой Леонидовной Блиновой

в Уголке Дурова, где бывали Эренбург, Качалов, Станиславский, Мейерхольд, Чехов, Гиляровский, Есенин, Саша Чёрный, первый художник-анималист Ватагин, пели Собинов и Шаляпин. Был 1951-й — голодный период выживания для слонихи Пунчи и двух десятков других зверей Уголка Дурова. В Театре зверей выступали медвежонок, собаки, были сценки, где енот-полоскун стирал бельё, а шалунья-собачка опять пачкала его. И знаменитая мышинная железная дорога, где мыши-пассажиры выглядывают из окон вагона, а «машинист» по сигналу трогает или останавливает поезд. Светлана любила зверье, и слониха Пунча по ее просьбе делала стойку на передних ногах.

Но ее ставку сократили, и пришлось идти работать на станцию юннатов. Живой уголок был скучный, но к лету ребята принесли двух галчат — Галю и Колю, научили их звонить в колокольчик. На воскресенье приходилось брать галчат домой, причём в трамвае они спокойно сидели на руках и смотрели в окно на радость и удивление пассажирам. А в отпуске она наслаждалась на Байкале обществом ручного медвежонка Феклуши и беседами с сокурсницей Наташей. Перед отъездом из заповедника друзья подарили молодого бурундучка,

который доехал благополучно до Москвы и сразу полез знакомиться на клетку с птицами — чижулей и синичкой-ополовником. Через несколько дней птицы освоились с новым зверьком, которого называли Митей. В клетке сидеть он не хотел, ел с рук, обхватывая лапками палец.

В лаборатории гельминтологии АН СССР (в просторечии — Гелан) академика К.И. Скрыбина Светлана занялась нематодами вредителями растений. Местом работы был Бузулукский бор в Оренбуржье, Тува, Алтай. В 1965 году на 5-ом месяце беременности С.Л. Блинова защитила кандидатскую диссертацию. Началась семейная эпопея. Как пишет Н.Н. Блинов, «для полной жизни, для полного счастья надо, чтобы были удовлетворены у человека троякого рода потребности: личные, профессиональные и общественные. Счастье в семейной жизни, довольство своим специальным делом и удовлетворение своим положением гражданина, — вот из чего должно слагаться счастье человека, живущего полной жизнью. У нас потребности гражданина остаются неудовлетворенными по нашему российскому убожеству». Светлана вполне была удовлетворена любимой работой (в Гелане отработала 32 года), семьей (рядом были милая мама и крошечная

Яков Канторович

Оленька). Желать большего не позволяло время: еще свежи были воспоминания о репрессиях в отношении матери и Анатолия Канторовича. Но иначе думали и жили Владимир Канторович и его жена Раиса Цейликман.

КАНТОРОВИЧИ И Р. ЦЕЙЛИКМАН

История рода Канторовичей знаменательна. Прародитель Яков Абрамович Канторович (01.01.1859–15.10.1925) — российский юрист. Окончил курс юридического факультета Санкт-Петербургского университета, состоял присяжным поверенным округа Санкт-Петербургской судебной палаты, редактором-издателем юридических журналов. Провидец надвигающихся репрессий, он в 1899 году опубликовал труд «Средневековые процессы о ведьмах», в котором писал: «Существование ведьм предполагалось повсюду — в каждом доме, в каждой семье. Требовалось только их распознать, выследить, уличить и арестовать. Странствующий инквизитор, или «комиссар ведьм», переходил с одного места в другое и везде старался собирать сведения о ведьмах — на основании допросов окольных людей, доносов, слухов. В «зараженную» местность направляли комиссию для повального допроса всех жителей и с целью быстрого и энергичного приостановления заразы». Оба его сына, Анатолий и Владимир, попали в сталинские жернова «процессов ведьм»-вредителей и изменников родины.

Владимир Яковлевич Канторович (1901–1977) — русский советский писатель, экономист, социолог. Окончил факультет общественных наук в Ленинграде, начал печататься с 1929 года. В 1937 был сослан на Печору, в Башкирию, Са-

халин, откуда привез «Сахалинские тетради». Ленинградский литературовед А. И. Рубашкин в 1957-м познакомился с В. Канторовичем в ЦДЛ в Москве, подружился на всю жизнь. В коммуналке Владимира и Раисы на Софийской набережной, затем в квартирке у метро «Аэропорт» читали вместе тамиздат и самиздат, включая «Архипелаг ГУЛАГ». Владимир Яковлевич смеялся: «Если к нашему писательскому дому подогнать самосвал, то его не хватит, чтобы вывезти всю «нехорошую литературу». Пройдя лагеря и ссылки, он с трудом входил в ритм работы. Он хотел работать над новыми темами: русским очерком, который называл эссеем, его интересовала социология, влияние литературы на жизнь. Переписка писателей продолжалась до 1977, когда больной раком Канторович, которого мучили жестокие боли и бессонница, написал записку жене, в которой просил прощения, и принял большую дозу снотворного.

Обослепительной красавице-тете Раисе Цейликман писала Р. Мирер, уехавшая в США: «Родители переехали из Смоленска в Москву в 1921–1922 гг. С середины 30-х Раиса сблизилась с Владимиром Яковлевичем Канторовичем, молодым, но уже довольно известным экономистом, социологом и публицистом. Он много печатался, много ездил

Раиса Цейликман

по стране, был неглуп, честолюбив, энергичен. Отношения у них складывались вроде бы вполне серьезные, но Владимир сохранял независимость, женитьба не намечалась. Был он хорош собой, чем-то, по моему представлению, походил на английского аристократа — гордая посадка светловолосой головы, красивый нос, надменный рот. К тому же и верхом ездил, и в теннис играл. Говорил с петербургской отчетливостью, слегка грассировал... Брат Владимира, Анатолий, возглавлял в «Известиях» международный отдел. До этого занимал видное положение в Наркомате иностранных дел. Когда одна за другой начали слетать с плеч головы международных и журналистов, Анатолий Яковлевич, человек умный и мужественный, понял, что дни его сочтены. Он пригласил Владимира покататься верхом в Сокольниках, а там сказал ему: «Я решил с тобой попрощаться». Арестовали его месяца через два, летом, когда Владимир с Раисой отдыхали в Сочи. Жена Анатолия, Ада Блинова, прислала телеграмму с текстом, уже превратившимся в трагическое сообщение: «Анатолий заболел». «Болезнь» оказалась смертельной: Анатолию дали десять лет без права переписки, а на самом деле расстреляли...

Вскоре арестовали и выслали Аду. Она была секретарем наркома иностранных дел М. Литвинова, но он даже и не пытался ее спасти. Впрочем, все равно не смог бы, сам ждал ареста. Эренбург писал, что, начиная с 1937 года, Литвинов клал на ночной столик револьвер: застрелиться, если за ним придут ночью... Владимир не сомневался, что и с ним это произойдет — его внезапно перестали печатать. 15-го ноября 1937 года он был арестован. Получил пять лет лагерей за антисоветскую агитацию и пропаганду — редкий случай, когда была указана реальная причина: возмущался указом об абортх...

В горе и страхе прожила Раиса долгую зиму 38-го. До весны её никто не трогал. В конце апреля Раиса упала и сломала ногу. Но это оказался настолько удачный перелом, что лучше и не придумать! В ту же ночь в дверь позвонили. С ночными гостями был знакомый дворник. Раиса извинилась: «Встать не могу», и показала ногу в гипсе. Странная задумчивость охватила гостей. Но спас-таки перелом: ночные гости сказали: «Ну-ну, поправляйтесь», и ушли. А наутро мой дядя перевез Раису на дачу в Удельное, где она благополучно прожила до следующей зимы. С работы, конечно, пришлось уволиться. Но на Большую Садовую ночные гости больше не приходили: скорее всего, в неразберихе, которая тогда творилась, о такой мелкой сошке, как Раиса, просто забыли. Отсидевшись на даче, Раиса совершила поступок, который сроднил ее с женами декабристов: отправилась в лагерь на Печоре, где отбывал срок Владимир. В отличие от декабристов, советским политическим свиданий, конечно, не давали. Однако же

Анатолий Канторович

Раисе случайно повезло: колонну заключенных вели на лесоповал, и в гаме голосов Раисе удалось различить голос Владимира. Повидавшись с ним, Раиса поехала в далекое село, куда сослана была Ада Блинова, жена Анатолия Канторовича. Отвезла ей продукты, теплые вещи».

После возвращения Канторовича в их квартире постоянно устраивались обыски, отбирали рукописи. Раиса ничего не боялась. Их квартира в писательском доме всегда была полна людьми и огромными зелеными растениями. В их доме давал прощальный концерт Галич. Кто там только не бывал! Из дела № 46012 от 6.03.79: «У вдовы Раисы Павловны Цейликман изъяли при обыске: «Крутой маршрут» Е. Гинзбург, «Зияющие высоты» А. Зиновьева, «Факультет ненужных вещей» Ю. Домбровского, воспоминания Л. З. Копелева». Кроме того, у всех обыскиваемых изымались пишущие машинки. Раиса пережила Канторовича и ушла из жизни так же трагично и мужественно, как и он, когда сломала шейку бедра и стала беспомощной. Выпив снотворное, Раиса позвонила Светлане Львовне Блиновой, которая слышала последние слова Раисы, как вдруг она замолчала... Навсегда.

Трудно покидать родословные перекрестки. Недосказана еще история жизни Городецких, Рапопоров. Столько талантливых людей окружали Блиновых, что рассказ о них бесконечен, и краеведческие раскопки сулят новые открытия не одному поколению краеведов.